

УДК 82.0

ТЕМА «ОСЬМНАДЦАТОГО ВЕКА» И НЕОРОМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Известно, что пьесы М. И. Цветаевой 1918. – 1919 годов были объединены в цикл «Романтика». Тема романтики определяет мотивную структуру, идейное содержание, образную систему, развитие сюжета пьесы.

В понятие «романтика» М. И. Цветаева вкладывает своё собственное содержание. Оно включает романтизм конца XVIII века с его духовными, нравственными ценностями и, одновременно, философское переосмысление этих ценностей. Автор смотрит на современный ему мир XIX века сквозь призму ценностей личности XVIII века. Таким образом, «осьмнадцатый век» становится символом, вмещающим вневременные ценности.

Что вкладывает в понятие «осьмнадцатый век» М. И. Цветаева, отражают её записи. Вот что она пишет, обращаясь к своей героине в «Повести о Сонечке»: «...Опустить, так и его и не сняв, посреди осьмнадцатого века – нашего века, когда женщины не требовали мужских принципов, а довольствовались – женскими добродетелями, и не требовали идей а радовались – чувствам, и во всяком случае радовались поцелуям...» [7, с. 522]. То есть романтизм XVIII века, в трактовке М. И. Цветаевой, связан с её представлениями о рыцарстве, любви, отношением к женщине.

Суть этого символа еще более точно передана на страницах дневника, посвященных смерти Стаховича. Лейтмотивом этого образа является – Порода. В посмертном стихотворении Стаховичу она пишет: «О, сокровеннейшее из сокровищ! Порода, узнаю тебя» [7, с. 148].

Слова одного из героев «Флорентийских ночей» уточняют представления поэта: «Стахович нас учит быть. Это уроки бытия. Ибо – простите за грубый пример – нельзя, так поклонившись, захватить друг другу в физиономию и даже этих слов сказать нельзя, и даже их подумать нельзя – я уже другой человек, поклон этот у меня уже внутри» [7, с.322]. То есть «Порода» – это искусство, заложенное в человеке генетически его предками.

Это искусство рыцарской любви, чести, доблести, долга, иначе говоря – аристократизм.

Таким образом, тема «Осьмнадцатого века», как её определяет автор, «образ пошлого, глядящего в будущее» объединяет весь цикл «Романтика». Это вневременной образ вечности, бытия. Он символичен для всего творчества М. И. Цветаевой, а драматические произведения являются его реальным воплощением.

Тема любви – одна из главных тем в творчестве М. И. Цветаевой. Она связана с мотивами романтики и «осьмнадцатого века». В контексте этих мотивов она имеет свою интерпретацию и воплощается в лирических героях стихов поэта, героях драматических произведений. В разработке темы любви выстраивается философская «концепция» любви автора, благодаря чему, происходит раскрытие, углубление конфликта произведений в целом. В то же время уменьшается дистанция между личностью автора и лирическим героем.

В одном из писем к Б. Л. Пастернаку периода работы над «Метелью» М. И. Цветаева размышляет над категорией Душа- духовность: «Я не понимаю Еву, которую любят все. Я не понимаю плоти как таковой, не признаю за ней никаких прав – особенно голоса, которого никогда не слышала. Я с ней – очевидно хозяйкой дома – незнакома... Знаешь, чего я хочу – когда хочу. Потемнения, просветления, преображения. Крайнего мыса чужой души – в своей. Слов, которых никогда не услышишь, не скажешь. Небывающего. Чудовищного. Чуда» [4, с. 171]. То есть любовь души предполагает, согласно Цветаевой, стремление к высшему абсолюту. В другом письме к Р. М. Рильке поэт рассуждает: «... Величие – это душа, а где начинается душа, кончается плоть» [4, с. 171].

Ева, для М. И. Цветаевой является воплощением тела, плотской любви, изменной страсти. Уточняет её размышления по этому поводу образ женской улицы, которую она противопоставляет своей любви-улице, равной стихиям природы, детской чистоте, вселенной – категориям высоты: «Мужской улицы нет, есть только женская. – Говорю о составе. – Мужчина жаждой своей, её создаёт. Она есть и в открытом поле. – Ни одна женщина (исключения противоестественны) не пойдёт с рабочим, все мужчины идут с девками, все поэты» [7, с. 170 – 171].

Сама Цветаева панически боялась того, что её воспримут как Еву, в контексте быта. Это видно из обращения к Р. М. Рильке: «... из страха, что

ты увидишь во мне обыкновенную чувственную страсть (страсть – рабство плоти)...» [4, с. 192]. Размышляя над образом Дама из пьесы «Метель» М. И. Цветаева признаётся: «Дама в плаще – моя душа, её никто не может играть» [7, с. 125]. В героине пьесы «Метель» М. И. Цветаева воплощает мотив всего творчества, вписывающийся в тему бытия. Это мотив души или бесплотной сути, воплощенной в конкретном образе.

Данный мотив возник еще до написания «Метели». Он звучит, например, в цикле стихов «Психея», где автор рассматривает значение понятия «душа». В цикле лирическая героиня говорит, обращаясь к возлюбленному: «Я ласточка твоя – Психея!» [5, с. 94]. Этим утверждением подчеркивает она своё противостояние быту, относит себя как поэта к сфере духовности, оболочкой которой является быт. Вот еще одна строфа из того же цикла: «Умирая, не скажу, была. / И не жаль, и не ищу виновных. / Есть на свете поважней дела / Страстных бурь и подвигов любовных» [5, с. 95].

В данном отрывке категория бытия соотносится с категорией бессмертия, тем самым автором утверждается её доминирование над житейскими, бытовыми страстями. Иначе говоря, Психея бессмертна, она – «есмь». В этом же цикле звучат мотивы, также нашедшие свою реализацию в образах цикла пьес «Романтика». Это трагический разрыв, непреодолимая космическая дистанция между двумя душами – частицами мироздания. Она выражена в следующих строках: «Но вихрь встает – бездна пролегла / От правого до левого крыла!» [5, с. 96]

В тоже время речь идет об их духовном родстве. Трагизм этих тем заключается в роковом одиночестве двух душ и бесконечном стремлении преодолеть его.

Для более глубокого понимания концепции духовной любви М. И. Цветаевой, обратимся к записям самого поэта: «узнавать вопреки всем личинам и морщинам – раз в какой-то час узренный, настоящий лик» [7, с. 155]. При этой встрече открывается тайна, которую скрывает плащ, то есть приоткрывается «настоящий лик». Иначе говоря, – это любовь, к которой стремятся героини М. И. Цветаевой.

Ярче всего концепция духовной любви раскрывается в пьесе «Метель». Поскольку рассматриваемая нами пьеса принадлежит к циклу «Романтика», и все раннее творчество М. И. Цветаевой несет на себе печать романтизма, отметим признаки любви романтического героя, предложенные в работе Ю. В. Мана «Поэтика русского романтизма». С одной стороны для

романтического героя любовь – это связь с миром; с другой стороны – это противопоставление миру. Любовь – это отдаление от быта и человечества, но она является и последней опорой для героя. В связи с этим, исследователь отмечает повышенную трагедийность при её утрате [2, с.33]. Романтики трактуют любовь как нечто вечное, единственное и неизменное.

Тема любви в цветаевской концепции выходит за грани романтических канонов. Автору более свойственно понимание любви в контексте космического бытия – макрокосмоса и своего внутреннего мира – микрокосмоса. Это вытекает из мироощущения М. И. Цветаевой, которое она выражает в своих записях периода написания пьесы «Метель»: «Мой круг – круг вселенной (души: тоже) и круг человека, его человеческого одиночества, отъединения» [7, с. 155].

Из этого можно сделать вывод, что любовь, по М.И. Цветаевой, – это часть космической стихии, находящейся внутри духовного пространства личности, а также в окружающем мире. Отсюда также следует, что автор размышлений неразрывно связывает своё «я» с целостностью космоса. Этот мотив звучит в её стихотворениях. Например, в стихотворении от 13 июня 1914 года: «Живу не видя дня, позабывая / Число и век. / На, кажется, надрезанном канате / Я – маленький плясун. / Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик / Двух тёмных лун» [5, с. 155].

Исходя из того, что автор рассматривает своё «я» в контексте космического бытия, то и любовь – это составляющая бытия. Её реализация осуществляется «вне нежности земных примет». И, если вернуться к вышесказанному, и вспомнить формулу- требование М. И. Цветаевой в любовных отношениях «Крайнего мыса чужой души – и своей», то можно сделать вывод о том, что М. И. Цветаева словами лирических героинь говорит о высшей форме взаимоотношений мужчины и женщины, в её понимании – идеальной любви.

Из сказанного следует, что поэт противопоставляет любовь к Еве любви к Душе, что в мире быта является чудом. В миропонимании М. И. Цветаевой любовь-чудо, о которой она говорит в выше приведённом письме к Б. Л. Пастернаку – это творчество, та самая идеальная форма, в которой она может реализоваться. Для такой высшей формы её проявления нужен творец.

Требование любви как некоего духовного абсолюта выражено в дневниковых записях М. И. Цветаевой: «Так от простейшей любви за сахар – к любви не взирая на любовь, от маленькой любви за – к великой любви вне

меня – от любви получающей волей другого! К любви берущей даже помимо воли его, без ведома его! – к любви к себе» [7, с. 155].

Из сказанного можно сделать вывод, что в цветаевской концепции любовь – это объективно существующее в микро- и макрокосмосе явление, «небывающее», «чудовищное» чудо. Абсолютизация духовного начала в любви лирических героев М. И. Цветаевой обрекает их на тотальное одиночество, и обуславливает трагизм внутреннего конфликта. Эти черты отличают героев М. И. Цветаевой от романтических героев в произведениях авторов XIX века. Но именно такому пониманию любви в трактовке автора пьесы «Метель» соответствуют рыцарские доблести XVIII века. Это даёт повод говорить о притчевом характере пьесы.

Реализация концепции любви происходит во втором действии пьесы «Метель», которое несёт смысловой акцент произведения. В центре действия – главные герои «Метели». На первый взгляд, встреча Дамы и Господина – это счастливое завершение поисков любви. С Дамой и Господином происходит то самое «Чудо» – герои сразу узнали подлинный лик друг друга, что делает, на первый взгляд, очевидность счастливого финала.

Однако, трагическая развязка пьесы закономерна, потому что она обуславливает логику поступков, целостность образов героев, завершенность всего произведения. Так воплощается авторская концепция духовной любви, которая лежит в основе конфликта всей пьесы. В контексте пьесы «Метель» возможность счастливого финала – реализации героями своих чувств – это обретение материальной оболочки, и погружение в мир быта, что противоречило бы замыслу автора, нарушил бы художественную правду пьесы.

Герои «Метели» обречены на трагическое одиночество в бытовом плане, они это предчувствуют и понимают. Но в этой трагической развязке скрыта парадоксальность. Её нельзя понять, не соотнося образы, конфликт пьесы с экзистенциалистскими суждениями Н. Бердяева о реализации личности «через победу духа над хаотическими душевными и телесными элементами» [1, с. 42 – 43], где Дух, по Бердяеву, – это логос, мужское начало, а душа – женское космическое начало. В этом двуединстве душа является формой, которую Дух наполняет содержанием. В суждениях философа также нужно учитывать и понимание такой категории как «Духовность», то есть преобразование материального, а не победу над ним [там же].

В свете этих суждений Н. Бердяева очевиден экзистенциальный смысл размышлений М. И. Цветаевой о Душе, понимании любви как духовного преображения. Экзистенциальным смыслом наполняются и конфликт пьесы «Метель», и образы Дамы и Господина, причём они являются художественным воплощением категорий «душа», «Дух» из философии Н. Бердяева. Встреча и узнавание этих персонажей в развязке и есть то высокое «преображение» и «Чудо», о котором автор «Метели» мечтает в письмах к Рильке и Б. Пастернаку. Отсюда и парадоксальность развязки пьесы. Если соотносить понимание счастья с рассуждениями Н. Бердяева о самореализации личности, которая возможна при наличии двуединства «Духа» и души, то персонажи пьесы «Метель» и являются символическим воплощением этого неразрывного единства. Такое философское наполнение пьесы предполагает амбивалентность смысла развязки: в бытовой линии развития сюжета они несчастны, в бытийно-философском плане – они воплощают неразрывное единство и вечное движение друг к другу.

Эта экзистенциальная трактовка темы любви вписывается в категории духовно-нравственных ценностей, связанных с авторским понятием «осьмнадцатый век», и с одной стороны, оно сохраняет свое основополагающее значение аристократизма, подвига, благородства. С другой – ценности «осьмнадцатого века» переосмысливаются в контексте мироощущения личности XIX века и связываются с категорией вечности, с ощущением трагичности бытия.

Таким образом, в творчестве М. И. Цветаевой отражаются черты неоромантизма, присущие мировоззрению личности рубежа веков. Это и обращение к истории, переосмыслению романтической тематики в русле экзистенциальной философии, стремление осмыслить свою эпоху сквозь призму романтического мифа, одновременно наполнить его личностными переживаниями и размышлениями над современным миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности / Бердяев Н. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – С. 42 – 43.
2. Минц З. Г. «Новые романтики». К проблеме русского пресимволизма / З. Г. Минц // Поэтика русского символизма / З. Г. Минц. – С.-Петербург: Искусство – СПб, 2004. – С. 150 – 161.
3. Манн Ю. В. Поэтика русского символизма / Манн Ю. В. – М.: Наука, 1976. – 128 с.
4. Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года / [ред. Е. Л. Новицкая]. – М.: Книга, 1990. – 256 с.

5. Цветаева М. И. Стихи и поэмы / Цветаева М. И. – Вильнюс: Vaga, 1998. – 490 с.
6. Цветаева М. И. Метель/ М. И. Цветаева // Избранные сочинения в 2-х т. Т.2. – М.: Литература, 1998. – 719 с.
7. Цветаева М. И. Дневниковая проза / М. И. Цветаева // Избранные сочинения в 2-х т. Т. 2. – М.: Литература, 1998. – С. 405 – 492.

АННОТАЦИЯ

Волосевич Л. В. Тема «осмнадцатого века» и неоромантическая концепция любви в творчестве М. И. Цветаевой

На материале дневниковых записей, писем, лирики, пьесы «Метель» автор статьи рассматривает обращение М. И. Цветаевой к темам XVIII-го века, романтики и в этом контексте – философскую концепцию любви М. И. Цветаевой периода 1914 – 1918 годов. В статье рассматриваются такие нравственно-философские категории творчества М. И. Цветаевой, как «любовь», «вечность», «Дух», «душа» и их понимание автором. Анализ их разработки поэтом определяет черты неоромантизма в творчестве М. И. Цветаевой периода 1914 – 1918 годов и раскрывает черты мировоззрения личности, принадлежащей эпохе серебряного века.

Ключевые слова: неоромантизм, тема, образ, мировоззрение.

SUMMARY

Volosevich L. V. The theme of the 18th century and M. Tsvetaeva's concept of love in neoromanticism

The author's research is based on M. Tsvetayeva's diary notes, letters, lyrical poems, and the play «Blizzard». The author focuses on M. Tsvetayeva's treatment of the 18th century themes, romanticism and in this connection M. Tsvetayeva's philosophical concept of love in the period ranging from 1914 to 1918.

The article deals with such moral and philosophical categories as «love», «eternity», «Holy Spirit», «soul» as they are understood by M. Tsvetayeva. The way M. Tsvetayeva tackled these categories de the traits of neoromanticism in her creative work.

Key words: neoromanticism, theme, image, world outlook.

В.А. Загорюлькина

(Горловка)